
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Хуан Рульфо

УДК 82(091)

DOI 10.22455/2541-7894-2017-3-430-443

Андрей КОФМАН

К 100-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ ХУАНА РУЛЬФО

Аннотация: Материал, посвященный юбилейной дате — столетию рождения одного из крупнейших латиноамериканских писателей XX в. Хуана Рульфо (1917–1984) включает обзорную статью о его творчестве и перевод интервью газете “¡Siempre!” в 1973 г., в котором знаменитый писатель говорит о литературном призвании и секретах мастерства.

Ключевые слова: Хуан Рульфо, столетний юбилей писателя, новый латиноамериканский роман, мексиканская литература.

© 2017 Андрей Федорович Кофман (доктор филол. наук, заместитель директора по научной работе и заведующий Отделом литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва) andrey.kofman@gmail.com

MEMORABLE DATE

J u a n R u l f o

UDC 82(091)

DOI 10.22455/2541-7894-2017-3-430-443

Andrey KOFMAN

JUAN RULFO'S BIRTH CENTENARY

Abstract: The article is dedicated to the memorable date — the birth centenary of one of the most outstanding Latin American writers of the 20th century — Juan Rulfo (1917–1984). The article includes a review on his work and a translation of the interview to the newspaper “¡Siempre!” (1973) where the famous writer speaks of the literary vocation and the secrets of mastery.

Key words: Juan Rulfo, birth centenary, New Latin American novel, Mexican literature.

© 2017 Andrey F. Kofman (Doctor Hab of Philology, deputy director and head of the Department of Modern European and American Literature at A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science, Moscow) andrey.kofman@gmail.com

Полтора десятка коротких рассказов и повесть — вот и все из художественной прозы, что опубликовал за свою жизнь мексиканский писатель Хуан Рульфо (1917–1984). Вместе с тем небольшая книжка его произведений оказалась чрезвычайно весомой, а ее автор был безоговорочно признан крупнейшим латиноамериканским прозаиком, одним из тех, кто сформировал поэтику того мощного обновительного движения в латиноамериканской прозе, которое впоследствии получило наименование «новый латиноамериканский роман». Прижизненная слава нередко бывает обманчива. Но в отношении Рульфо первоначальные восторженные оценки его творчества вовсе не оказались преувеличены. Более того, с течением лет — а прошло уже около полувека со времени выхода сборника рассказов и повести — значимость этого писателя в контексте латиноамериканской, да и мировой литературы нисколько не уменьшалась — чему свидетельством постоянные переиздания книг Рульфо на основных мировых языках и неиссякаемый поток критической и научной литературы, которая по объему в тысячи, если не в десятки тысяч раз, превысила все, созданное мексиканским прозаиком. Литературоведческие интерпретации творчества Рульфо поражают своим разнообразием — от регионалистских и мексиканистских до мифологических, семиотических и структуралистских; и все они подчас звучат весьма убедительно, что в целом говорит о чрезвычайной глубине этой прозы и о ее принципиальной смысловой неисчерпаемости.

Произведения Рульфо очень далеки от автобиографизма, о чем он скажет в публикуемом интервью. В них нет не то что фактов жизни писателя, но и самого авторского присутствия почти не ощущается. Вместе с тем биография Рульфо, в особенности его детские впечатления, оказали несомненное и очень глубокое влияние на его творчество, проявившееся в тематике, проблематике, образности, колорите, эмоциональном настрое его прозы.

Штат Халиско, где родился и вырос Рульфо, — это край полупустынь. В здешнем пейзаже царит камень: скалы и каменные холмы, камни на полях и вдоль дорог, дома, сложенные из камня. Здесь живут люди крепкие, жесткие и молчаливые. Все, кто лично знал Рульфо, вспоминали о нем как о человеке исключительно замкнутом и немногословном. Да он и сам признавал это: «Обычай говорить свойственен столичным жителям, а не крестьянам. У меня дома никто ни с кем не разговаривает, ни я с женой, ни она со мной, ни дети с нами, никто не разговаривает...» [Vost 1994: 31]. В произведениях писателя молчание предстает как модель разобщенности. Слово не способно служить средством общения между людьми, и потому ему на смену придут иные формы кон-

такта — прежде всего, контакт через виоленсию (насилие). Что же касается манеры письма, то эта природная молчаливость Рульфо воплотилась в удивительном лаконизме его стиля, что было сознательной установкой: «Я стараюсь уберечь себя от барочности. И буду избегать многословия всеми способами». [Resorilación 1969: 35]

Если Мехико является культурным центром страны, то штат Халиско считается как бы средоточием мексиканской самобытности. И хотя проза Рульфо не приемлет ни декоративного фольклоризма, ни размышлений о «мексиканской сущности», она вся оказалась пропитана органичным ощущением национальных корней.

В этой сердцевине Мексики, в городке Саюла, 16 мая 1917 г. и родился Хуан Непомусено Карлос Перес Рульфо Вискаино. Звучная череда имен, впоследствии сократившаяся до двух, объединяла имена родителей, наследственных землевладельцев, которые сочетались браком в 1914 г. Отец будущего писателя взял на себя управление двумя поместьями, но время для мирных трудов было неподходящим: в разгар мексиканской революции 1910–1917 гг. асьенды то и дело подвергались набегам повстанцев.

В 1923 г. произошла трагедия, которая наложила глубокий отпечаток на сознание шестилетнего ребенка: его отец был убит своим соседом, повздорив с ним. Этот сюжет — убийство по пустячному поводу — впоследствии будет неоднократно воспроизведен в прозе Рульфо. А в целом это было вполне заурядное для мексиканской деревни событие, одно из проявлений латиноамериканской виоленсии. Насильственная смерть вскоре постигла и двух братьев погибшего: один из них, полицейский, пытался разнять дерущихся и получил пулю в сердце, другой был убит по политическим мотивам. Затем последовала смерть матери в 1927 г. и гибель дяди, раздавленного лошадью: череда этих трагических событий, конечно же, не могла не повлиять на душевный склад подростка. Кроме того, ему пришлось стать свидетелем войны кристерос (от испанского “Cristo” — Христос), полыхавшей в Халиско и в соседних штатах в 1927–1929 гг., когда священнослужители, недовольные антиклерикальной политикой властей, подняли крестьян на восстание. «Я сидел дома взаперти, потому что повсюду стреляли, — вспоминал Рульфо. — А после каждого боя на всех столбах болтались повешенные. Да, зверствовали и кристерос, и федералы». [Vost 1994: 30]

Во время войны был замучен дед писателя и расстреляны двое из его близких родственников. Так виоленсия и смерть с ранних лет вторгаются в жизнь Рульфо — нет ничего удивительного в том, что эти детские впечатления определили тематику и настрой его творчества.

После смерти матери Хуан и его старший брат попали в сиротский приют в Гвадалахаре с жестким режимом полутюремного типа. Это было, судя по признанию Рульфо, самое тяжкое впечатление детства. Так тема сиротства, одна из констант мексиканской литературы, вошла в творчество будущего писателя в качестве глубоко личной темы. Пять лет длилось его пребывание в сиротском приюте. В 1932 г. Рульфо перешел в семинарию, где проучился, опять-таки под строжайшим надзором, три с лишним года. Наконец, юноша достиг совершеннолетия и получил право самостоятельно определять свою судьбу. Он бросил семинарию и уехал в столицу, где жил его дядя, адвокат, который пристроил родственника мелким чиновником в департамент по делам иммиграции. Здесь Рульфо проработал девять лет. Дядюшка настаивал, чтобы племянник пошел по его стопам и обучался праву; но тот, не испытывая ни малейшего интереса к юридической науке, стал посещать лекции по литературе на филологическом факультете столичного университета.

Любовь к чтению у Рульфо пробудилась в десятилетнем возрасте. С началом войны кристерос один из священников Сан-Габриэля, когда бежал из города, передал свою библиотеку на хранение матери Рульфо. А библиотека эта состояла не только из религиозных книг, поскольку строгий падре, выполнявший должность церковного цензора, ревностно отбирал у прихожан всякого рода «запрещенную» литературу — преимущественно любовные и приключенческие романы, но не сжигал их и не выбрасывал, а складывал на своих книжных полках. И вот тогда, в 1927 г., мальчик начал увлеченно читать и с тех пор страсть к чтению не оставляла его.

Впрочем, из его филологических штудий ничего толком не вышло. Его преподавателем литературы был Мануэль Гонсалес Пенья, автор первой «Истории мексиканской литературы», но при том заядлый испанист, превыше всего ценивший испанских писателей-регионалистов и категорически отвергавший новые веяния в искусстве. Хуану Рульфо испанские регионалисты и костюмбристы внушали откровенную скуку, и через пару лет он бросил университет.

Но не бросил литературу. В те годы он много и упоенно читал. «Это была прямо-таки патологическая страсть, дело доходило до того, что я прочитывал две книги за ночь». [Vost 1994: 25]

Многие высказывания Рульфо определенно свидетельствуют о том, что он был замечательным знатоком западноевропейской и латиноамериканской литератур — только этот интеллектуальный багаж никак не сказался напрямую в его прозе, что и дало

основание некоторым критикам соотносить его с художниками-наивами.

Тогда же, в конце 30-х — начале 40-х гг., сложились литературные предпочтения Рульфо. Они весьма любопытны для понимания его собственного творчества. Превыше всего он ставил скандинавских авторов, о чем сам неоднократно говорил. И конечно, Рульфо не мог остаться равнодушным к русской литературе, особенно к Достоевскому и к Андрееву с их иррационализмом. Полемически заостренная против наивных этических схем Чернышевского реплика Достоевского о том, что человеку надобно не одного лишь «разумного хотения», выражает основную поведенческую установку героев Рульфо, которые в своих действиях руководствуются какими угодно мотивами, но только не разумом и расчетом. Что же касается латиноамериканской литературы, то он был заядлым читателем хроник XVI–XVII вв., которые ценил за свежий язык, а также, по его словам, за присущий им элемент чудесного. Повествовательная манера Рульфо, несомненно, имеет много общего со стилем хроник, в котором ясно проступает сказовое начало; а его повесть критики объявили одним из выдающихся образцов т. н. «магического реализма».

Чтение послужило стимулом для творчества: Рульфо взялся за перо и в 1940 г. написал огромный, напыщенный и слезливый роман «Сын отчаяния» — об одиночестве провинциала, оказавшегося в Мехико. А написав и перечитав, рукопись вскоре уничтожил. Во всяком случае начало было положено. Начало не только литературному творчеству, но и систематическому уничтожению не удавшихся, на взгляд автора, произведений. Так, впоследствии редактор журнала “América” вытащил из мусорной корзины рукопись рассказа «На Кумушкином взгорье» и тем самым спас один из лучших рассказов Рульфо.

В 1942 г. Рульфо был направлен в Гвадалахару по делам службы иммиграции. Здесь он прожил около трех лет, часто навещая в родовые поместья, взятые под управление его старшим братом. Цель этих поездок была одна — общение с народом: не оставляя мыслей о литературном творчестве, Рульфо инстинктивно чувствовал, что именно погружение в стихию народной речи, народной жизни выведет его на нужный путь. Брат писателя вспоминал: «Он ночи напролет разговаривал с ранчеро, батраками, пастухами, погонщиками скота...». [López Mesa 1993: 49]

В Гвадалахаре Рульфо сошелся с молодыми начинающими литераторами, которые затеяли издание литературно-публицистического журнала “Pan” (“Pan” — букв. «Хлеб»). В нем в 1945 г. Рульфо опубликовал рассказы «Нам дали землю» и «Макарио»,

поражающие своей зрелостью и самобытностью. Месяцем раньше в столичном журнале “América” появилась первая публикация Рульфо — рассказ «Жизнь, в сущности, не так уж серьезна», написанный в 1944 г. Разница между этим незрелым сентиментальным рассказом и двумя последующими огромна. Так одним рывком Рульфо достиг высшего уровня литературного мастерства, после чего его творчество уже не претерпело качественной эволюции. Публикация в журнале “Pan” вскоре была повторена в журнале “América”, предваренная небольшой критической заметкой главного редактора: ее автор отмечал «свежую простоту» и «глубину видения» начинающего писателя и пророчески предсказал, что «рано или поздно он займет достойное место» в мексиканской литературе. [López Mena 1993: 60]

За этой публикацией последовали другие — в том же журнале: рассказы «А все оттого, что мы бедные» (1947), «На Кумушкином взгорье» (1948), «Тальпа» (1950), «Равнина в огне» (1950), «Скажи, чтобы они не убивали меня» (1951). Приведенная хронология дает представление о методе работы Рульфо: мучительное обдумывание сюжета, бесконечное количество набросков, отшлифовка каждой фразы и в результате — один, от силы два рассказа в год.

В 1945 г. Рульфо оставил службу в департаменте иммиграции; два года перебивался случайными заработками, пока не устроился на фабрику на должность управляющего. Эта работа ему глубоко претила, но на фабрике, иностранном предприятии, платили приличные деньги, необходимые для содержания семьи (в 1947 г. Рульфо женился, а год спустя стал отцом). В результате он задержался на ненавистной службе до 1954 г. Примечательно, что этот семилетний опыт пребывания в рабочей среде никак не сказался на тематике его творчества. Город всегда оставался ему глубоко чужд, и когда в 60-е гг. он сделал попытку написать цикл рассказов городской тематики, то потерпел полный провал.

После издания своего первого (и единственного) сборника рассказов «Равнина в огне» (1953) Рульфо получил двухгодичную стипендию Мексиканского Центра Писателей для завершения романа, над которым работал уже несколько лет. В 1954 г. в журнале “Letras Patrias” был опубликован фрагмент романа, первоначально названного «Звезда подле луны». В том же году в университетском журнале появился другой фрагмент — на этот раз роман был объявлен под заглавием «Шорохи». Неизвестно, сколько времени его дорабатывал бы Рульфо, если бы издательство “Fondo de Cultura Económica” не попросило у автора рукопись для ознакомления. Рульфо дал издателям черновик, несколько не ду-

мая публиковать его в таком виде. На удивление автора роман (в результате доработок сократившийся до размеров повести) был тут же опубликован — так за ним закрепилось окончательное название по имени заглавного героя «Педро Парамо» (1955).

Повесть была восторженно воспринята критикой. Она действительно открывала новую страницу в истории мексиканской литературы, и это ясно почувствовали ее первые рецензенты — поэт Али Чумасеро и критик Мануэль Дуран; а позже о ней высоко отзывались О. Пас, К. Фуэнтес и многие другие. В 1970 г. Фуэнтес назвал ее лучшим «романом», написанным в Мексике, и это мнение, пожалуй, не утратило своей истинности до наших дней. Собственно, все крупные мексиканские писатели второй половины XX в. так или иначе отдали дань признания и преклонения перед Рульфо.

А дальше случилось неожиданное: меж тем как слава Рульфо ширилась год от года, перешагнула границы страны, затем континента, писатель молчал. После выхода в свет повести он опубликовал всего два рассказа: «Наследство Матильде Аркангела» (1955) и «Осколок ночи» (1959). Рульфо не публиковался, неохотно давал интервью, упрямо сторонился великосветских раутов, конференций и прочих публичных мероприятий, куда рвались другие писатели. Несмотря ни на что этому, наверное, самому нелюдимому из мексиканских писателей в 1970 г. с пятнадцатилетним опозданием присвоили Национальную премию в области литературы; а в 1976 г. Рульфо был избран в Мексиканскую Академию Языка. Знаменитого писателя осаждали критики, жаждавшие новых произведений, а Рульфо то ссылаясь на семейные обстоятельства (четверо детей) и на занятость в Институте Индихенистики, где он работал научным сотрудником с 1963 г. и до конца жизни; то начинал говорить о романе «Кордильера» и о сборнике рассказов «Неурожайные дни», который обещал выпустить еще в 60-м г. Публика с нетерпением ждала обещанного, но так и не дождалась. Рульфо остался тем редчайшим писателем, который не опубликовал почти ничего второстепенного.

Критики долго ломали головы над загадкой молчания Рульфо, объясняя это либо наступившим творческим бесплодием, либо невероятной требовательностью к себе, либо его боязнью разочаровать читателей. Между тем в одной беседе Рульфо обмолвился: «Так вот, доложу я вам..., что я никогда не бросал писать. Я перестал публиковаться, но писать никогда не переставал». [Gutiérrez Marote 1978: 6]

Картина несколько прояснилась, когда в 1994 г. вдова и дети Рульфо под давлением литературоведов решились нарушить волю

усопшего и опубликовали его неизданные рукописи [Los cuadernos de Juan Rulfo 1994]. Книга получилась солидная, хотя можно с уверенностью предположить, что это лишь небольшая часть написанного, избежавшая уничтожения. В сборнике представлены записные книжки писателя (сочные народные словечки, поговорки, поверья, отдельные фразы, образы); наброски рассказов; один более или менее завершённый рассказ («Клеотильде»); первоначальные варианты «Педро Парамо»; четыре наброска городских рассказов — все крайне слабые; и два десятка фрагментов романа «Кордильера». По замыслу роман создавался в жанре семейной хроники: Рульфо прослеживал историю семьи землевладельцев из Халиско от эпохи конкисты до конца XX в. Встречаются великолепные фрагменты, но это всего лишь осколки несостоявшегося целого. А в общем в книге нет ничего конгениального опубликованным произведениям.

Творчество Рульфо вписывается в континентальный литературный контекст и соотносится с новаторскими произведениями, появившимися в первой половине 1950-х гг.: сборниками рассказов Кортасара (1951), Онетти (1951) и Роа Бастоса (1953), романами Онетти «Краткая жизнь» (1950), Карпентьера «Потерянные следы» (1953) и др. В то же время его творчество возросло на почве национальной традиции. Рульфо первым из мексиканских прозаиков добился гармонического разрешения давней и острой дилеммы мексиканской литературы, выраженной в противопоставлении национальной или локальной тематики и проблематики — универсальной. Притом он открыл принципиально новый способ художественного воплощения проблемы «мексиканской сущности»: при полном внешнем отсутствии в его произведениях национальной рефлексии он как никто другой глубоко и полно выразил характерность национальной картины мира.

REFERENCES

[Gutiérrez Marone 1978] — Gutiérrez Marone, N. *El estilo de Juan Rulfo. Estudio lingüístico*. Jamaica, NY: Bilingual Review Pr., 1978.

[López Mena 1993] — López Mena, S. *Los caminos de la creación en Juan Rulfo*. México, 1993.

[Los cuadernos 1994] — *Los cuadernos de Juan Rulfo*. Ed. Era, 1994.

[Recopilación 1969] — *Recopilación de textos sobre Juan Rulfo*. La Habana: Casa de las Américas, 1969.

[Vost 1994] — Vost, W. *Juan Rulfo y el sur de Jalisco*. Guadalajara: Editorial Agata, 1994.